

18+

Александр Долгирев

Смертью храбрых

Александр Долгирев
Смертью храбрых

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Долгирев А. С.

Смертью храбрых / А. С. Долгирев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ноябрь 1918-го года. Изнурительная война, отнявшая у Франции сотни тысяч жизней, завершилась победой, всю сладость которой измученная армия даже не может осознать. И именно в этот момент, когда отгремели последние взрывы и умолкли орудия, нескольким французским офицерам предстоит принять свой самый страшный, самый важный бой. В этом бою столкнутся низость и величие, тщеславие и храбрость, доблесть и честь, глупость и целесообразность и никто не сможет покинуть поле битвы без потерь.

© Долгирев А. С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	21

***

Дорогая Софи, любимая моя, моя крепость, мое знамя, мой робкий олененок. Пишу тебе с огромной радостью в сердце. Мы победили! Я сейчас написал слово «победили» и произнес его несколько раз вслух будто, смакуя. Это слово слаще самого лучшего вина. Лишь твой поцелуй пьянит меня больше.

Четыре года. Я оборачиваюсь назад и не могу поверить, что прошло уже четыре года, с тех пор как я покинул вас с Луизой. Я хочу вернуть их все! Все четыре года, каждый день, каждое мгновение проведенное вдали от вас. До сих пор не могу поверить, что скоро смогу вернуться домой и обнять тебя. Я наверняка еще не раз скажу тебе об этом, но без вас, без вашей любви я не смог бы пройти через все это... Прости, я так волнуюсь, что никак не могу подобрать нужные слова!

Я возвращаюсь к письму на следующее утро. Вчера я был слишком переполнен чувствами и путался в мыслях. Я хотел начать новое письмо, но не смог сжечь или порвать то, что вчера написал. Пусть это будет для тебя чем-то вроде напоминания о том, что я испытывал в день, когда Война закончилась.

Впрочем, любезная моя супруга, давай говорить по делу: я не знаю, когда смогу приехать. Первая волна демобилизации, по слухам, должна начаться уже через неделю, но касаться она будет только подразделений передней линии – Боже храни французскую пехоту. Я же совершенно точно пока остаюсь здесь – в Аррасе.

Несмотря на то, что Война закончилась, работы у Жандармерии меньше не стало. Вот, в частности, полковник Батистини поручил мне расследовать дело капитана, которого обвиняют в неподчинении приказу о наступлении. Мое сердце стискивает отчаяние, когда я думаю о том, сколько людей погибло из-за этого приказа, Софи. Это не было необходимо... Прости, когда-нибудь я смогу рассказать тебе об этом, но не сейчас.

В прошлом своем письме ты справлялась о моем здоровье – у меня все хорошо. Была небольшая простуда, но на такие мелочи я стараюсь не обращать внимания. Нога почти не болит, только иногда по вечерам. Как ты? Ты жаловалась на головные боли – они по-прежнему мучают тебя? Как Луиза? Она смогла сдать таблицу умножения? Так много вопросов! Я очень соскучился по вам.

Ты спрашивала, нужно ли мне что-нибудь – насчет этого не беспокойся – у меня все есть. Господин Эмери по-прежнему увлечен сбором монет? Если да, то скажи ему, что скоро я, либо вышлю почтой, либо сам привезу ему несколько американских и австралийских долларов.

Ну вот, в общем-то, и все. Прости, что короткое письмо получилось, надеюсь, скоро мы сможем поговорить вдоволь.

С наилучшими пожеланиями, командан¹ Лануа. Люблю тебя, вечно преданный тебе Огюстен.

PS: скажи Луизе, что я скоро вернусь домой. Хотя нет, она уже не совсем ребенок – лучше скажи, что я очень постараюсь быть дома к Рождеству. Обними ее за меня. Люблю.

Аррас. 12 ноября 1918 года.

***

Огюстен Лануа еще раз пробежал глазами письмо и, удовлетворившись написанным, вложил его в конверт. Коммандан был уже одет и готов к дороге до штаба 701-го пехотного полка.

---

¹ Коммандан – офицерское звание во Французских вооруженных силах примерно соответствующее нашему майору.

Огюстен резко встал, но сильная боль в левой ноге опрокинула его обратно на стул. Лануа врал жене. Боль в перебитой осколком ноге мучила его едва ли не ежедневно, несмотря на то, что ранение, отправившее его в Жандармерию, случилось уже больше года назад. «После того, как отправлю письмо, нужно будет зайти к доктору Ренару – пусть вкатит мне морфин...» Доктор мог делать Огюстену до трех уколов в день. Лануа из всех сил старался не выбирать эту норму, ограничиваясь одной дозой перед сном. Но сегодня день предстоял длинный, а боль нещадно терзала его с самого пробуждения. Коммандан глубоко вдохнул и сделал еще одну попытку встать. Он заскрипел зубами от боли, но устоял. «Так, теперь шаг. Молодец! Еще один, и еще...»

По пути к почте Огюстен решил, что может обойтись без укола. Каждый следующий шаг давался ему чуть легче, чем прошлый и вскоре он даже перестал морщиться от боли.

– Доброе утро, Безю.

– Так точно, господин коммандан, доброе и мирное.

Простодушный Безю расплылся в широкой улыбке.

– Это верно... Послушайте, Безю, мне сегодня нужно съездить в штаб 701-го пехотного, это в Сент-Омере. Полковник Батистини прикрепил ко мне вас.

– Конечно, господин коммандан. Когда отправляемся?

– Сколько времени вам нужно на сборы?

– Минут десять, господин коммандан.

– Хорошо, тогда жду вас здесь через десять минут.

Безю хотел было помочь Лануа забраться в салон служебного Рено, некогда служившего такси, о чем говорил характерный красный цвет кузова, но коммандан отстранил его и умотился сам. «Еще тридцати пяти нет, а уже носятся, как со стариком...» Огюстен в очередной раз ужаснулся мысли, что так теперь будет всегда, впрочем, незамедлительно подавил приступ жалости к себе и принялся набивать трубку. Вскоре над его головой начал подниматься дымок, постепенно заполняя собой салон даже, несмотря на отсутствие стекол.

Лануа еще не читал личное дело капитана Мишо, обвиняемого в невыполнении приказа и трусости. Предчувствия коммандана одолевали самые мрачные: «Не хватало нам еще после Победы показательные расстрелы устраивать...»

Вскоре автомобиль весело подпрыгивал на прифронтовых ухабах. Огюстен постарался успокоить ногу так, чтобы каждая кочка не оборачивалась мучением. Через полчаса они въехали в полосу, где совсем недавно шли бои, и Безю пришлось сбросить скорость, чтобы объезжать воронки на пути.

Трясти стало меньше, и Огюстен смог, наконец, обратиться к личному делу капитана. «Капитан Анри Мишо. Родился в Ренне в 1889-м году. В армии с 1913-го. Пехота. 701-й полк, командир 2-й роты. Поощрения, Военный крест с бронзовой звездой – получил в 15-м году, Воинскую медаль – в 17-м, тогда же удостоен медали «За военное ранение» и серебряной звезды на Крест. Характеристика за подписью полковника Дакса: храбрый, дисциплинированный, стойкий. Рекомендации к повышению. Поднялся с сержанта. Ранен в правое плечо в сентябре 14-го, осколочное ранение в 15-м – лишился трех пальцев на правой ноге, штыковое ранение в левое бедро в ноябре 17-го. Прошение о скорейшем возвращении на фронт от 15-го года. Очевидно, хотели комиссовать...»

Лануа отвлекся от дела капитана Мишо и осмотрелся вокруг себя. Его взгляду открывалась почти полностью безлесая земля испещренная воронками, бороздами и пустыми траншеями, щедро посыпаемая, к тому же, хлопьями снега. «Лет десять ведь ничего расти не будет...» Бои здесь шли еще совсем недавно, и чем дальше они будут ехать, тем более изнасилованной предстанет перед взглядом коммандана земля.

Огюстен отвернулся от безрадостного пейзажа и вернулся к капитану Мишо. «Дисциплинарный лист: только одна запись – драка с капралом Монсом в 16-м. Никакого наказания,

кроме занесения в личное дело. Очевидно, ввиду заслуг лишь погрозили пальчиком...» Огюстен внимательно всмотрелся в фотокарточку Мишо. Тот имел густые черные волосы, бледную кожу и резкие черты лица, придававшие ему сердитый вид. «А ведь ты точно не трус. Не бывает у трусов такой биографии. Может быть, ты просто не справился с командованием?» – фотокарточка ничего не ответила на вопрос Огюстена, и он перевернул страницу.

Еще вчера вечером, получая от полковника Батистини личное дело Мишо, Лануа вложил в него рапорт полковника Бореля – действующего командира 701-го полка – о том, что одиннадцатого ноября сего года в 10 часов утра капитану Мишо было приказано атаковать позиции противника в районе Верт-Равине, занять их и удерживать, ожидая дальнейших приказов. Капитан Мишо отказался выполнить приказ и заявил, со слов курьера доставившего ему приказ, что «...не собирается гробить людей ради некрофильских фантазий Фош²» и, что полковник Борель и каждый стоящий над ним офицер могут «...засунуть себе этот приказ в задницу». «Какая изысканная точность формулировок и дотошность при составлении рапорта...»

Далее Борель писал о том, что вторая рота осталась на своих позициях, не выполнив, таким образом, приказ маршала Фоша от одиннадцатого ноября перейти в наступление по всему фронту. В тот же день Мишо был арестован и препровожден на гауптвахту. В рапорте Борель настаивал на расстреле в качестве меры наказания. «Кто бы сомневался. Он, наверное, вообще не знает, что есть другие способы наказания кроме расстрела...» Полковник особенно отмечал, что отказ Мишо сопровождался оскорблениями в адрес старших по званию, чему, по словам Бореля, имелось множество свидетелей.

Лануа вновь отвлекся от чтения. Шансы Мишо выжить были невелики. Невыполнение приказа, оскорбление старшего по званию, трусость – за каждое из этих преступлений мог полагаться и обычно полагался расстрел. «Хорошо хоть Специальные военные советы остались в прошлом» – если бы дело Мишо разбирал совет в лице полковника Бореля и двух штабных офицеров, он был бы расстрелян еще вчерашним вечером.

Огюстен заметил, что до боли сжимает набалдашник трости – если бы Мишо не подчинился приказу в любой другой день Войны, Лануа был бы на стороне полковника Бореля. Если путь к победе лежит через твой труп, значит, так тому и быть. «Делай, что должен...» Конечно, иногда приказ выглядел невозможным, и командан по себе помнил, как хотелось порой отправить штабных чистоплюев куда подальше с их кабинетными расчетами боевых потерь, но так или иначе, все это было для Франции, для Победы.

Вчерашний приказ Фоша не имел ни к Франции, ни к Победе никакого отношения, зато хорошо соотносился с удовлетворением раздутых амбиций и генеральскими медалями. Перемирие было подписано ранним утром, но в силу должно было вступить только в одиннадцать часов. Значит, до одиннадцати часов Война продолжалась, и Фош приказал наступать. Война, и без того уже ставшая символом бессмысленных жертв, в своей развязке напилась крови в последний раз.

Огюстен постарался отрешиться от эмоций и сосредоточиться на деле. «Рапорт необъективен – это понятно хотя бы из того, как он составлен и какое место в нем уделено словам Мишо, в сравнении с описанием его действий. Итак, первое, что нужно сделать, это переговорить с полковником Борелем. После этого пообщаться с самим капитаном и допросить столько солдат второй роты, сколько возможно. Многовато работы для одного...»

***

Они уже были на подъезде к Сент-Омеру, когда Лануа увидел похоронную бригаду, копавшую одинокую могилу на солдатском кладбище. Кладбище подходило по правой стороне

---

² Фердинанд Фош – французский военачальник, маршал Франции, был главнокомандующим войсками Антанты во Франции на завершающем этапе Первой мировой войны.

почти вплотную к тому, что раньше было грунтовой дорогой, поэтому Огюстен смог разглядеть из-под покрывала рукав формы, в которую был одет труп.

– Безю, остановите здесь, пожалуйста.

– Так точно, господин командан.

Если Безю и удивился просьбе Лануа, виду он не подал. Огюстен начал выбираться из автомобиля и как только на левую ногу пришлось хоть немного веса его тела, командан пожалел, что не сделал все же укол морфина перед поездкой.

– Я сейчас вернусь.

– Так точно, господин командан. Мне пойти с вами?

– Не надо.

На кладбище земля была более-менее ровной – Огюстен заметил лишь две-три воронки. Он прочел несколько имен на крестах и понял, что кладбище преимущественно немецкое, хотя были на нем и французские могилы. «А чему ты удивляешься? Боши³ здесь почти три года сидели».

Огюстен дохромал до похоронной команды. Полковой священник увидел его еще, когда Лануа только выбрался из машины, поэтому, когда он подошел, солдаты уже стояли смирно. Командан обратил внимание, что все трое были из 701-го полка.

– Вольно. Кто это?

Солдаты вернулись к работе, а священник ответил:

– Пленный, господин командан. Умер этой ночью.

– Как?

Священник замялся, а Огюстен успел заметить, как один из солдат бросил на него опасливый взгляд. Лануа повторил вопрос, добавив в голос стали:

– Как?

– Пытался бежать. Часовому пришлось застрелить его.

– Понятно... Позвольте?

Огюстен, не дожидаясь ответа, резким движением сдернул с трупа покрывало, чуть не зашипев от боли. Его взгляду предстало тело совсем молодого парня. Лицо его было испачкано грязью, но не несло на себе гримасу боли или страданий – командану даже почудилась на нем легкая улыбка. Лануа не увидел нигде следов от ранения. «Скорее всего, пуля не прошла...»

– Переверните его.

Один из солдат начал вылезать из могилы, но священник остановил его:

– Не надо, Маню, я сам.

Он повернул труп боком. Неаккуратное кровавое пятно обозначало пулевое ранение посередине спины между лопаток, чуть ближе к левой части тела.

– Задержите мундир и рубаху.

Священник понял, что именно хочет найти Огюстен и не стал задавать вопросов. На спине немца не было свежих синяков, кровоподтеков и ранений кроме смертельного, во всяком случае, насколько мог судить Лануа.

– Положите его на спину и опять задержите мундир и рубаху.

На груди и животе тоже не было следов избиений и пыток. Огюстен кивнул священнику и тот немного расслабился.

– Почему хороните без гроба?

Не хватает гробов, господин командан. Даже на своих не хватает...

– Понятно. Я постараюсь решить эту проблему.

– Спасибо, господин командан.

---

³ Боши – прозвище немцев во Франции, имеющее отрицательную коннотацию.

– Пока не за что. Отрежьте, пожалуйста, небольшой кусок ткани с рукава его формы, а то мне неудобно нагибаться.

Лануа подал священнику большие портняжные ножницы, которые всегда имел при себе. Священник и солдаты застыли в изумлении.

– Выполняйте.

– Позволено ли?..

– Не более чем хоронить без гроба. Я же не предлагаю вам осквернить его тело, мне просто нужен небольшой отрез ткани с формы.

Священник с большой неохотой взял из рук Огюстена ножницы и двумя резкими движениями отрезал неаккуратный треугольник. Аккуратность, впрочем, командана не интересовала. Он принял ткань и ножницы из рук священника.

– Благодарю вас. С гробами постараюсь вопрос решить. Возвращайтесь к работе.

– Есть, господин командан.

Отходя от могилы, Лануа прочитал про себя молитву за упокой души молодого немца. Огюстен спиной чувствовал взгляды солдат, но это его не беспокоило. Командан почти год не видел вблизи немецкую форму и не стал противиться приступу любопытства. Безю докурил уже вторую папиросу, когда Лануа вернулся к машине.

– Поехали, Безю.

– Так точно, господин командан.

Когда автомобиль тронулся, Огюстен смог, наконец, внимательно всмотреться в кусок ткани. То, что он держал в руках, было настоящим текстильным недоразумением: небольшие волокна хлопка смешанные с каким-то непонятным материалом. Впервые такую ткань Лануа увидел в 1916-м, и это поставило его в тупик. Только через полгода Огюстен прочитал в одном из присланных Софи лионских журналов, что неопределимым материалом является крапива, точнее нежгучие волокна из стеблей этого растения.

Отрез, который командан держал в руках сейчас, по прочности значительно уступал тому, что Лануа видел раньше. Крашение тоже было произведено плохо – краска слезала, если потереть о ткань ногтем. «Вот почему мы победили – мы просто выжали из них все соки. Но даже в такой ситуации упорные боши ухитрились раз за разом находить выход. Господи, убереги Францию от алчного желания забрать у бошей все, что у них еще осталось...»

***

Штаб 701-го полка располагался в самом центра городка, в здании которое до Войны явно служило ратушей. Немного помятый часовой у дверей опешил, увидев свалившегося, как снег на голову, командана Жандармерии. Лануа смог быстро и почти безболезненно выбраться из Рено и направился к дверям. Уже с десяти шагов Огюстен почувствовал характерный запах. «Остается надеяться, что он хотя бы дорогу указать сможет...» Усач одного с Лануа возраста смотрел на него мутным взглядом, но по струнке вытянулся.

– Доброе утро, сержант. Где я могу найти полковника Бореля?

– Доброе... утро, господин командан... Полковник сегодня не выезжал, поэтому должен быть в штабе.

Когда боец заговорил, винный дух стал еще явственнее, но Огюстен не собирался устраивать по этому поводу скандал – он и сам вчера вечером выпил изрядную порцию вина и надеялся, что это не было слишком заметно по его почерку в первой части письма к Софи.

– Как пройти к его кабинету?

– Кабинету?..

– Да, сержант, кабинету. Как пройти к кабинету полковника Бореля?

Похмельное тупоумие часового начинало раздражать Лануа.

– Прощу прощения, господин командан, но я не знаю.

«Не срывайся! Он действительно может не знать... Надо было зайти к доктору...» Огюстен постарался чтобы в его голосе не было ноток раздражения, больших чем это необходимо:

– В таком случае, у кого я могу это узнать?

– Так это... У господина квартирмейстера подполковника Д'Эстьена... господин командан.

– Так. А где я могу найти господина подполковника?

– Он тоже сегодня не выезжал... вроде...

В пропитанных алкоголем мозгах сержанта родилась мысль, что господин командан не удовлетворится таким ответом, поэтому он скороговоркой добавил:

– Кабинет господина подполковника первый слева на первом этаже, господин командан.

– Спасибо, сержант.

Лануа поспешил пройти внутрь. В полутьме первого этажа он потратил примерно минуту, чтобы успокоиться. «Надо было зайти к доктору...»

К удаче Огюстена квартирмейстер был на месте и не только рассказал, как пройти к кабинету полковника, но и сам сопровождал Лануа. Полковник Борель тоже был на месте. Это был невысокий широкоплечий мужчина лет сорока пяти или пятидесяти. Говор и манеры выдавали в нем марсельца. Лануа сразу обратил внимание на то, что чисто штабным офицером Борель не был – об этом говорил знак за ранение, Колониальная медаль с планками за Марокко, Дагомею и Чад, а также Крест кавалера Почетного легиона, которым просто так не награждали.

– ...Я, признаться, совершенно не понимаю, зачем вы здесь! Все же понятно: Мишо ослушался прямого приказа и оскорбил старшего по званию. Я не понимаю о чем тут спорить!

Разговор продолжался уже десять минут и за это время почти не сдвинулся с места. Борель, как и положено провансальцу, стоял на своем даже в мелочах, все сводя к фактам. Лануа же не столько спорил с ним, сколько хотел разграничить свою компетенцию, что, по личному опыту Огюстена, было первейшей задачей при работе на фронте или вблизи его.

– Нам с вами, господин полковник, ничего понимать и не надо – нам надо выполнять приказы. У меня есть приказ полковника Батистини провести расследование обстоятельств произошедшего у Верт-Равине...

– Вот и я о том же – нам надо выполнять приказы и Мишо приказ не выполнил... Впрочем, я не буду чинить вам никаких препятствий, но и от вас прошу не вмешиваться в жизнь моего полка больше, чем это необходимо.

– Разумеется, однако, некоторое вмешательство все же потребуется.

– Какое?

«Наконец-то перешли к делу!»

– Мне нужно допросить капитана Мишо, всех военнослужащих второй роты и курьера доставившего Мишо приказ о наступлении. Кроме того, мне необходимо побывать у Верт-Равине и осмотреть поле боя.

– Позвольте узнать: вы один планируете все это сделать?

– Да, один. И в связи с этим мне нужно место для проведения допросов и квартиры для меня и сержанта Безю – это мой водитель. Ну и разумеется продуктовое довольствие для нас двоих.

– Вы что, планируете здесь надолго задержаться?

– Настолько насколько понадобится, господин полковник. Первая волна демобилизации планируется через восемь дней, надеюсь за это время закончить.

– Коммандан Лануа, а у вас точно есть такие полномочия?

В голосе Бореля Огюстен услышал намек на угрозу, но против Жандармерии полковник пойти не посмеет:

– Есть. Впрочем, вы имеете право уточнить это у полковника Жандармерии Батистини или, даже, у начальника Жандармерии Па-де-Кале бригадного генерала Ториссо. Я могу отправить ваш запрос с сержантом Безю и своим письмом...

Борель посмотрел на Огюстена другим взглядом. Если раньше Лануа явственно читал во взгляде полковника некоторое пренебрежение, то теперь тот смотрел на него как кулачный боец, оценивающий противника. Коммандану даже показалось, что он увидел на лице Бореля тень улыбки. «Да, ты все правильно понял: ни твоего упрямства, ни твоего звания, ни твоих медалей я не боюсь, равно, как не боюсь и солдатских невымытых шей, и пыльной передовой...» Полковник пожевал губами и произнес:

– Что же, коммандан Лануа, все необходимое я вам предоставлю. Хочу только предупредить, что в случае приказа о передислокации второй роты вам самому придется за ними ездить, если вы действительно хотите всех допросить.

– Понимаю.

– Хорошо. Остальное я вам обеспечу. Адъютант⁴ Эстеве проводит вас к капитану Мишо, а квартирмейстер пока подыщет вам жилье.

– Позвольте еще кое о чем вас попросить, господин полковник...

– Да.

– Мне необходимы уколы обезболяющего средства несколько раз в день. Вы не могли бы предупредить об этом полкового врача.

И вновь взгляд Бореля стал другим, что не укрылось от внимания Огюстена.

– Я распоряжусь.

– Хорошо, благодарю вас.

– Можно задать личный вопрос, коммандан Лануа?

– Конечно, господин полковник.

– Вы когда-нибудь бывали на передовой?

– Да, приходилось. До ранения служил в 33-м пехотном полку.

– Под Верденом, стало быть, бывали...

– И под Верденом тоже.

Полковник неожиданно широко улыбнулся и сказал:

– Тогда, добро пожаловать домой!

Огюстен улыбнулся из вежливости, но энтузиазм полковника не разделил.

***

Гауптвахта представляла из себя обычный одноэтажный дом на окраине Сент-Омера. Единственное, что говорило о характере этого места, это двое часовых у входа и тяжелый амбарный замок на двери. Лануа отпустил Безю с адъютантом Эстеве хлопотать насчет квартир и пайка, попросив сержанта вернуться за ним через час. До ожидаемого комманданом, как манны небесной, укола морфина пешее передвижение даже по такому небольшому городку являлось для Огюстена проблемой.

Подойдя к гауптвахте, Лануа достал бумагу, выданную ему Борелем и разрешающую во все совать свой нос.

– Добрый день, где я могу найти дежурного?

Один из часовых, тот, что был с капральскими шевронами, отпрапортовал высоким, почти мальчишеским голосом:

– Я дежурный, господин коммандан. Капрал Белльон.

– Коммандан Лануа. У меня есть бумага от полковника Бореля. Ознакомьтесь.

---

⁴ Адъютант – во Французской армии это не должность офицера, состоящего при штабе формирования или при военачальнике, а унтер-офицерское звание, примерно соответствующее нашему прапорщику.

Белльон быстро пробежал глазами приказ полковника и вернул его Огюстену.

– Приказ вам понятен?

– Так точно, господин коммандан!

– Хорошо. Я хочу допросить капитана Мишо. Пропустите меня к нему.

– Есть.

Капрал замешкался с тяжелым замком, но в итоге открыл дверь и впустил Лануа внутрь. Изнутри дом производил более мрачное впечатление, чем снаружи. Очевидно, в нем давно никто не жил. Огюстен повернулся к зашедшему следом за ним Белльону:

– На гауптвахте содержится только капитан Мишо?

– Да, господин коммандан.

Лануа кивнул и отошел в сторону, пропуская капрала вперед. Капитан содержался в дальней от входа комнате. В деревянной двери в эту комнату было выпилена небольшая смотровая щель, а сама дверь заперта на ключ и массивную щеколду. Огюстен заглянул в импровизированное окно и увидел, что в комнате царит полумрак. Света от одного небольшого окошка, расположенного под потолком, не хватало, чтобы осветить помещение. Судя по виду, комната использовалась некогда, как подсобное помещение, например как склад.

Белльон открыл дверь и вошел внутрь первым, Лануа зашел следом. Условия содержания были довольно мягкими: на столе нашлось место наполовину полной бутылки вина, куску сыра и даже копченому мясу. Впрочем, судя по виду, еда была нетронутой.

– Господин капитан, просыпайтесь.

– Я не сплю, Белльон. Доброе утро, господин офицер, простите, не могу разглядеть ваши знаки различия.

– Я коммандан Жандармерии Лануа.

– А не слишком поздно для расстрела, господин коммандан? Уже давно рассвело.

– А кто вам сказал, что я пришел вас расстрелять? Впрочем, давайте все по порядку...

Капрал, принесите, пожалуйста, лампу.

Белльон вышел исполнять приказ, а Лануа сел на неудобный табурет, стоявший за столом. Огюстен достал свои письменные принадлежности и приготовился записывать.

– Господин коммандан, у вас есть папиросы?

– Нет, капитан, я курю трубку.

Сержант где-то задерживался и Лануа решил начать без лампы:

– Капитан Мишо, я прислан в распоряжение 701-го пехотного полка, чтобы расследовать инцидент, произошедший вчера утром у Верт-Равине. Вы знаете, в чем вас обвиняют?

– Да, господин коммандан. Я трус, который не подчинился приказу и оскорбил старшего по званию.

***

– Господин ротмистр Крипке вызывал меня?

– Да, Майер, проходите.

Лейтенант Майер вошел в кабинет ротмистра и сел в кресло для посетителей. Лицо молодого человека было бесстрастно, но в душе зародилось предчувствие того, что сейчас может произойти что-то значительное, по крайней мере лично для него. Майер приготовился слушать.

– Лейтенант, вы возможно уже слышали, что мы вошли в Люксембург.

– Да, господин ротмистр, слышал.

– Завтра мы предъявим ультиматум Бельгии с требованием пропустить наши войска через их территорию. Депеша об этом пришла из штаба армии два часа назад. Полагаю, вы осознаете, что разглашение этой информации нижним чинам и, тем более, гражданским лицам

будет приравнено к государственной измене и повлечет за собой наказание по все строгости закона.

– Да, господин ротмистр, осознаю.

– Хорошо. Все эти действия нашего руководства говорят об одном – будет крупномасштабное наступление на Францию...

Крипке сделал паузу, давая Майеру возможность осознать значение прозвучавших только что слов.

– ...Разумеется, об этом тоже не нужно болтать. Официального приказа о наступлении еще нет, но есть приказ о проведении разведки на территории предполагаемого противника.

Крипке достал из ящика стола карту района и развернул ее на столешнице.

– Проведение разведывательных действий в нашем районе поручено 5-му кавалерийскому егерскому полку, то есть нам с вами. Собственно, за этим я вас и вызвал.

Ротмистр снова сделал паузу и продолжил только когда Майер подтвердил, что понял его:

– Завтра в шесть утра, до подъема, вы под видом патруля покинете Мюльхаузен и направитесь к французской границе для того, чтобы пересечь ее примерно на этом участке.

Крипке провел карандашом по дороге от Мюльхаузена к красной линии, обозначавшей французскую границу. Маршрут, проложенный ротмистром, шел на запад с небольшим отклонением к югу.

– Постарайтесь проехать так, чтобы этого не заметили, желательно примерно за километр до границы сойти с дороги. После того как окажетесь на той стороне, вы должны будете проехать вглубь территории предполагаемого противника настолько это будет возможно без угрозы непосредственного боестолкновения. Хорошим результатом будет двадцать-двадцать пять километров. Если наткнетесь на крупные соединения французов, поворачивайте назад. В открытый бой не ввязывайтесь, с местным населением старайтесь не контактировать. Двигайтесь в этом направлении.

Карандаш так и оставшийся стоять на границе, перешагнул ее и серой полосой обозначил еще большее смещение маршрута к югу.

– По нашим сведениям французы оттянули основные силы от непосредственной границы, чтобы создать глубину фронта, таким образом, в приграничной полосе остались лишь малые и разрозненные соединения. Собственно, вашей задачей и является выяснение того насколько глубоко оттянуты войска противника.

По выполнении задания возвращайтесь назад. Обязательное условие, лейтенант: вы должны вернуться на нашу территорию до темноты. Это категорическое требование, так что рассчитывайте время, Майер. Если у вас есть вопросы, задавайте.

– У господина ротмистра прошу пояснить: какой численности должен быть наш отряд?

– Стандартный патруль – семь человек. Отберите в своем взводе самых надежных людей.

– В таком случае, прошу господина ротмистра пояснить: что сказать остальным?

На лице Крипке появилось недоуменное выражение.

– По поводу?

– По поводу раннего отправления и сути задания, господин ротмистр.

– Лейтенант, скажите им, что приказы не обсуждаются – они выполняются! Хотя, хорошо, что вы спросили – разведка должна быть проведена, насколько это возможно, скрытно, поэтому все детали операции вам лучше донести до подчиненных завтра с утра, а не сегодня вечером. Я возлагаю сохранение секретности на вас, лейтенант, но я бы рекомендовал вам о действительной цели предприятия сообщить им, когда вы будете уже за пределами города. Есть еще вопросы?

– Господин ротмистр считает возможным сказать: сколько таких отрядов будет послано на разведку завтра?

– Нет, не считаю возможным, лейтенант...

Майер понял, что совсем неверно сформулировал вопрос и поспешно протараторил:

– У господина ротмистра прошу разрешение разъяснить свой вопрос.

– Разрешаю.

– Прошу господина ротмистра сообщить: как мне действовать при встрече с другим разведывательным отрядом?

– Такая встреча маловероятна, но если это все же произойдет, выполнение задания отменяется, а вы и второй отряд немедленно возвращаетесь на нашу сторону разными маршрутами. Еще что-нибудь, лейтенант?

– Прошу господина ротмистра пояснить: если мы встретим одиночных французских военнослужащих, является ли это поводом к отмене задания?

– Смотрите по обстановке. Если он действительно будет один, разрешаю обезвредить его и продолжить выполнение задания, но в затяжные перестрелки ввязываться запрещаю даже с одним солдатом противника. Учитывайте, Майер, у французов тоже объявлена мобилизация, они тоже готовятся к войне, поэтому одиночных солдат или офицеров вы вряд ли встретите. Больше вопросов нет?

– Нет, господин ротмистр.

– Приказ вам ясен?

– Так точно, господин ротмистр.

– Хорошо, лейтенант, идите.

Майер встал и оправил форму. Он никак не мог стереть со своего лица легкую улыбку – Крипке ясно видел, что его подчиненный был рад полученному приказу. Лейтенант отдал честь и удалился.

Ротмистр Крипке бросил взгляд на так и оставшуюся лежать на столе карту. Майер был последним лейтенантом, которому ротмистр должен был выдать это задание. Крипке достал из ящика стола кусок стирательной резины и начал убирать маршрут проложенный карандашом для Майера. Серая ломаная линия исчезала в направлении французской границы. На границе ее исчезновение на короткий момент замедлилось – здесь ротмистр нажал на карандаш сильнее, и он оставил более глубокий след. Когда линия исчезла совсем, Крипке сложил карту и резину в стол и потянулся до хруста – последние дни изрядно его утомили и, судя по всему, это было только начало.

***

Белльон наконец-то вернулся со старой закопченной лампой. Света от нее было немного, но его хватало, чтобы писать, кроме того, Лануа смог, наконец, разглядеть лицо капитана Мишо.

Тот был похож на свою фотокарточку – бледная кожа, черные волосы, аккуратные усы, выраженные скулы и немного сердитое выражение лица – единственное, что отличало арестанта от фотокарточки, это трудновыразимая, но явственная неопрятность. Но в этой неопрятности командан не видел ничего странного – Огюстен тоже выглядел неопрятным в сравнении со своей фотокарточкой 14-го года.

Он наконец-то смог составить в голове примерный план допроса и обратился к Мишо впервые, с того момента, как тот назвал себя трусом:

– Правильно ли я вас понял: вы согласны с обвинениями выдвинутыми полковником Борелем и признаете свою вину?

– Нет, господин командан, я согласен с обвинениями выдвинутыми полковником Борелем, но я не признаю свою вину.

– То есть, вы совершили эти преступления, но не считаете себя виновным?

– Можно и так сказать.

Мишо сел на скрипучей кушетке, на которую был положен тонкий матрас, и сделал приличный глоток из бутылки. Разговор с Огюстеном, казалось, ничуть его не интересовал.

– Мишо, вы понимаете, что вас могут расстрелять за это?

Капитан поставил бутылку на стол, утер рот рукавом формы и, наконец, ответил:

– Да, господин командан, понимаю.

«Расследование может оказаться несколько короче, чем я полагал...» – Огюстену нужно было нащупать хоть какой-то контакт с Мишо, но тот не оставлял самому себе шанса. Наконец, Лануа спросил:

– Вы хотите жить, капитан Мишо?

Капитан впервые посмотрел Огюстену прямо в глаза. Он внимательно вглядывался, будто желая увидеть в них ответ на какой-то неведомый Лануа вопрос. Коммандану было некомфортно под этим взглядом, но дерзости в темных глазах Мишо не было, а значит, не было и повода его прервать. К своей чести Лануа не отвел глаз – людского взора он не страшился. Неожиданно Мишо ответил:

– Да, хочу, господин командан... Вы позволите?

Огюстен даже не сразу понял, о чем его просят. Он проследил за направлением взгляда капитана и понял, что тот смотрел на кусок копченого мяса, лежавший на жестяном блюде. Лануа кивнул и Мишо принялся за еду. Возникшую паузу Огюстен использовал на создание нового плана разговора, потому что прошлый пока летел ко всем чертям.

– Простите мою невежливость, господин командан. Хотите?

Капитан подвинул блюдо с лежавшим на нем куском сыра в сторону Лануа.

«Может быть, это тот самый момент...» – не до конца отдавая себе отчет в своих действиях, Огюстен взял сыр и отломил себе половину. Сыр не потрясал воображение и на взгляд Лануа был изрядно пересолен. Коммандан осознал, что запил сыр вином только, когда поставил бутылку на стол.

– Господин командан, дело в том, что полковник Борель абсолютно прав. Все, в чем он меня обвиняет, имело место, но я считал свои действия правильными в тот момент, считаю их правильными сейчас, потому и не вижу смысла устраивать из моей неизбежной смерти фарс или, тем более, трагедию.

Капитан возобновил собственный допрос так же неожиданно, как и прервал. «Ничего я тут не сделаю...» – Огюстен понял, что разговаривает с тем, кто уже все понял и со всем смирился. Единственное, что ему оставалось в этой ситуации, это качественно сделать свою работу:

– Расскажите о том дне, капитан Мишо.

– Ну что же, если вам так хочется... Если позволите, я начну с вечера десятого ноября – именно тогда полковник Борель отдал нам приказ наступать на позиции бошей в районе Верт-Равине. Кстати, я так и не увидел там оврага, только ровное поле⁵...

– То есть приказ о наступлении вы получили не утром одиннадцатого?

Огюстен позволил себе прервать капитана. Слова Мишо не совпадали с тем, что было указано в рапорте Бореля, а это уже было что-то.

– Так точно, господин командан. Одиннадцатого полковник Борель только подтверждал свой вчерашний приказ.

Отвлеченный поведением капитана, Лануа совсем забыл вести записи и теперь ускоренно наверстывал упущенное.

– Постарайтесь вспомнить: десятого ноября в котором часу полковник Борель отдал приказ наступать?

– В одиннадцать, плюс-минус десять минут.

---

⁵ «Верт-Равине» с французского переводится, как «зеленый овраг».

- Откуда такая погрешность?
- За день до этого я разбил свои часы, и поэтому пришлось обходиться без них.
- Понятно. Полковник Борель сам отдал вам приказ?
- Да, он посетил наши позиции и лично приказал мне наступать.
- «Надо будет обязательно поговорить об этом с Борелем...»
- Опишите состояние своей роты к тому моменту.

Мишо протянул руку к бутылке и сделал еще один большой глоток. Когда он поставил ее на стол, вина в бутылке оставалось на доньшке. Еще через полминуты капитан заговорил, и в голосе его явственно чувствовалась хрипотца, которой раньше не было:

– К тому моменту в строю оставались восемьдесят четыре человека. Треть была легко ранена, у пятерых контузии. Солдаты устали после непрерывных боев. Десятое ноября был первым относительно тихим днем за последние две недели. Моральное состояние было подавленным – вывоз раненых и доставка пайка были затруднены – нам удалось продвинуться, и мы оказались сильно восточнее основных позиций полка. Я еще восьмого ноября отправил с курьером полковнику Борелю просьбу отдать приказ о тактическом отступлении, чтобы избежать охвата нашей позиции с флангов в случае внезапной контратаки бошей – он ответил отказом. Не помогали подъему боевого духа и слухи о мирных переговорах, ходившие среди солдат – никто не хотел умирать на пороге победы.

Мишо замолчал, очевидно, считая, что достаточно описал положение дел в роте.

- Несмотря на это полковник Борель отдал вам приказ наступать.
- Наше состояние ничем не выделялось в сравнении с другими ротами, господин командан. Мы понесли тяжелые потери, находились в ужасных условиях и наши силы были истощены долгим наступлением, но это справедливо для всего полка, а возможно, что и для всей нашей армии.
- Вы имели средства для проведения штурма?
- Да. Полковник Борель привез с собой продовольственный паек, немного теплых вещей, несколько ящиков патронов, гранаты, немного медикаментов, один исправный станковый Гочкисс, в дополнение к нашим двум ручным и несколько пулеметов Шоша, от которых, ясное дело, толку было немного.

При упоминании о пулеметах Шоша⁶ Лануа не сдержал грустного смешка – эти пулеметы, как и алые штаны, в которых Французская армия начала Войну, стали причиной множества совершенно ненужных жертв. Огюстен отвлекся от печальных мыслей и вернулся к реальности:

- Вы можете хотя бы примерно оценить силы бошей противостоявшие вам?
- Капитан положил руку на подбородок и задумался. Наконец Мишо начал говорить:
- Наверное, человек пятьдесят, может больше. Сначала их было тридцать-сорок, но ночью к ним подошли подкрепления из Штурмовых групп.
- Откуда вам это известно?
- Они провели неожиданную контратаку, едва не опрокинули нас. Без подкрепления это было бы невозможно.
- Как вы оцените укрепленность их позиций?
- Обычные позиции бошей. Надежные, сделаны с запасом, весь набор начиная от проволоки, заканчивая укрепленными пулеметными точками. Командир у них был толковый, уж не знаю, кто он по званию, но силы перебрасывал здорово. Жаль, что бош...
- А их снаряжение?

---

⁶ Пулемет Шоша состоял на вооружении Франции и некоторых других стран Антанты в течение всей Первой мировой войны. Это оружие было призвано объединить в себе мобильность винтовки и скорострельность пулемета. Однако очень ненадежная система подачи патронов и чувствительность к загрязнению сделали пулемет фактически негодным к войне в условиях Западного фронта.

– Обычное, насколько я видел. Пулемет один, может два, винтовки, гранаты, пара этих чертовых маленьких ручных пулеметов у штурмовиков, ну и, ясное дело, штыки, дубинки, ножи, лопаты...

Капитан замолчал и уставился на опустевшую тарелку немигающим взглядом.

– Вы все еще голодны, капитан Мишо?

– Нет, просто не знал, куда деть взгляд, господин командан.

– То есть, на ваш взгляд позиция противника имела стандартную укрепленность?

– Да.

«Жаль, можно было бы просить о снисхождении ввиду принципиальной невыполнимости приказа...»

– У вас или у них была поддержка артиллерии, может минометы?

Капитан отрицательно помотал головой. Вскрывать «обычные позиции бошей» без поддержки артиллерии, одной только пехотой было занятием крайне малоприятным. «Вряд ли один к одному по потерям вышло...» Мишо отвечал все менее многословно и явно потерял интерес к разговору, но Огюстен еще не закончил:

– Капитан Мишо, опишите, пожалуйста, ход боя.

Капитан улыбнулся, взял бутылку, посмотрел ее на просвет и одним глотком допил то, что в ней оставалось.

– А вы скрупулезны, господин командан.

«Да, я скрупулезен! А еще я – хороший офицер! Именно поэтому я сейчас сижу здесь, вместо того чтобы ехать домой! Поэтому я первым делом решил допросить тебя, а не сделать укол! Поэтому я опрошу каждого солдата из твоей роты и все это ради того, чтобы тебя не расстреляли завтра на рассвете!» – равнодушие капитана к собственной судьбе начинало раздражать Лануа, но он не сказал тех слов, которые крутились у него в голове. Вместо этого командан абсолютно спокойным голосом произнес:

– Отвечайте. Возможно, вам кажется, что судьба ваша уже предрешена, но это не так. Если вы хотите жить, а вы этого хотите, капитан, вы ответите на все мои вопросы. Еще раз: опишите ход боя.

Капитан вновь посмотрел Огюстену в глаза и тот вновь выдержал этот взгляд.

– Хорошо, господин командан, будь по-вашему... Полковник Борель отдал приказ и вернулся в штаб, пообещав отправлять курьеров каждые три часа. Когда он уехал я собрал офицеров и составил с ними план атаки. Была уже ночь, и мы решили воспользоваться этим, застав бошей врасплох.

План был следующий: один взвод с ручным Гочкиссом должен подобраться как можно ближе к вражеского окопу с правого фланга и, когда его обнаружат, завязать бой. В этот момент атакует остальная рота. Если бы все прошло, как мы задумывали, боши не встретили бы плотным огнем наши основные силы, и мы бы с малыми потерями достигли их окопа, а там – в рукопашной схватке, сами знаете: либо мы, либо они...

«Взвод авангарда принимает на себя весь удар и, скорее всего, гибнет почти полностью...» – план требовал жертв, но без жертв такие штурмы и не проворачивались.

– Какое расстояние было от ваших позиции до их?

– Метров семьсот.

– Почему штурм не удался?

– Потому, что все пошло не по плану. Боши заметили взвод прикрытия слишком рано. Скорее всего, их выдал пулемет – Диарра его уронил, да так неудачно, что это даже в Алжире слышали. Противник тут же открыл огонь, а лейтенант Нарзак со своими прижался к земле. Мне уже тогда стало понятно, что атаку нужно сворачивать, поэтому я прополз к ним и дал приказ об отступлении.

– Каковы были ваши потери?

– Трое убитыми, четыре или пять раненых, один серьезно – через десять минут он умер. Потеряли один пулемет и его расчет убитыми...

***

– ... Таким образом, к десяти часам утра вы восемь раз пытались взять штурмом позицию бошей и всякий раз вынуждены были отступить.

Лануа не столько спрашивал, сколько проверял себя. Допрос длился уже больше двух часов и Огюстен боялся, что мог упустить какие-то детали. Капитан понуро кивнул. Лануа прекрасно его понимал – Мишо все делал по науке, основательно, пробовал разные способы, менял время пауз между атаками, чтобы застать бошей врасплох, но все было впустую – к утру окоп так и оставался занят немцами, а вторая рота понесла тяжелейшие потери.

– Вы упоминали, что полковник обещал отправлять к вам курьера каждые три часа. Курьеры не сообщали вам о перемирии?

– Нет. На самом деле, за ночь был только один курьер от полковника.

– Почему?

– Не могу знать, господин командан.

– В какое время он пришел?

– Часа в три ночи.

«Три плюс три равно шесть. В шесть в штабе полка вполне могли уже знать о перемирии. Либо о второй роте на радостях все позабыли, либо...» – Огюстен остановил свои мысли, готовые повернуть в сторону предположения о том, что полковник Борель специально оставил капитана и его людей в неведении.

– Что он вам сообщил?

– Сказал, что полковник приказывает продолжать атаку и расспросил о нашем положении. Я рассказал ему, что в строю осталось шестьдесят два человека, попросил организовать эвакуацию раненых или хотя бы прислать к нам санитаров – к тому моменту у нас было пятеро тяжелораненых, а еще человек пятнадцать-семнадцать были ранены легко, разумеется, если не считать синяков, ссадин, царапин и разрывов от проволоки.

– Вы запрашивали у полковника приказ прекратить атаку?

– Нет.

– Если вы говорите, что было около трех часов ночи, значит, это было между третьей и четвертой вашими атаками. Тогда же была немецкая контратака. Она была до или после прихода курьера?

– Почти сразу как он отбыл.

– Расскажите о ней подробней.

Огюстен не хотел перебивать рассказ Мишо, поэтому не стал расспрашивать его о подробностях атаки бошей, а сам капитан о ней лишь упомянул. Мишо взял в руки давно опустевшую бутылку, потряс в воздухе и с расстроенным выражением на лице поставил на стол. После этого он откинулся к стене, и его лицо скрылось от взгляда командана в тени.

– Они упали на нас совершенно неожиданно. В прошлой атаке мы завязали бой уже в траншеях, смогли прорваться почти к самому пулеметному гнезду – чертов пулемет сидел всем нам поперек глотки. Мы почти их дожали. Бошей осталось то человек двадцать, ну двадцать пять от силы, а учитывая, что они почти не вели ружейного огня – скорее всего с патронами у них были большие проблемы. Я не мог предположить, что они решаться атаковать в таком положении. Потому и думаю, что к ним подошло подкрепление, причем не просто подкрепление, а штурмовики. Они-то нас и атаковали.

– Сколько их было?

– Точно не могу сказать, но вряд ли больше двадцати бойцов, скорее меньше...

Об отчаянной смелости солдат из немецких Штурмовых групп ходили легенды по обе стороны фронта, поэтому их совершенно самоубийственная атака на укрепленные позиции численно превосходящего противника не казалась Огюстену невероятной. Капитан между тем продолжал:

– Они сразу прорвались в траншеи, мы даже пулеметный огонь открыть не успели. Скорее всего, с патронами у них тоже было неважно, так как они вели огонь только из пистолетов и этих жутких крохотуль.

Коммандан понял, что Мишо имеет ввиду компактные пулеметы, которые появились у бошей этой весной и стали полной неожиданностью для французов и англичан. Не в последнюю очередь благодаря этому оружию немцы в начале лета смогли прогнать фронт до самой Марны и едва не изменили то, что казалось давно предрешенным.

Лануа вспомнил, как оказался в те дни на передовой во время очередной атаки бошей, точнее как оперативный тыл вдруг стал передовой. Боли в ноге тогда терзали его нещадно, и Огюстен готовился к обороне с радостью, подобной радости самоубийцы заглядывающего в ствол пистолета. Но выстрела так и не последовало – американцы ударили бошам во фланг и отвлекли их на себя. «А ведь тогда все действительно висело на волоске...»

– Но вам все же удалось отбиться...

– Да, нас выручил капрал Ру. Он смог развернуть пулемет на ту часть траншеи, которую заняли боши и открыть огонь. Он уничтожил троих или четверых, прежде чем они его обошли и заткнули. Мы смогли перегруппироваться и сами перешли в контратаку, нас все же было больше и в итоге мы смогли их откинуть.

– Каковы были ваши потери?

– Семь убитых, один тяжелораненый... Сразу после того, как мы отбились, я приказал атаковать, рассчитывая, что боши в темноте решат, что это возвращаются свои и не сразу откроют огонь.

– А сколько потеряли они?

– Минимум восьмерых – столько их трупов было в наших траншеях.

– А пленные?

– Мы не брали, они тоже... Да и не сдавался никто...

Лануа взял небольшую паузу, обдумывая следующий вопрос – весь предыдущий разговор коммандану нужен был, чтобы составить общую картину, теперь она у него была, и можно было переходить к главному. Пообщавшись с Мишо, Огюстен начал понимать, что за человек перед ним и, как ему казалось, был близок к пониманию мотивов заставивших капитана послушаться приказа об атаке. Он спросил:

– Сколько человек оставалось в строю к десяти часам утра, капитан Мишо?

Капитан резко придвинулся вперед и Лануа снова смог видеть его лицо. Это лицо было искажено злобой. «Похоже, попал» – таких сильных эмоций коммандан у Мишо еще не видел. Впрочем, голос капитана был спокойным и даже отстраненным, когда он заговорил:

– После восьмой нашей атаки в строю оставалось сорок три человека. Две трети имели разнообразные легкие ранения и травмы. Также было трое тяжелораненых, еще семеро умерло в течение ночи, так и не получив медицинской помощи. Из офицеров в живых оставались: я, лейтенанты Феро и Д'Юбер, и младший лейтенант Делло, причем Д'Юбер был ранен в живот. У нас оставалось двадцать шесть гранат, один станковый Гочкисс, три исправных пулемета Шоша, разнообразное стрелковое оружие и патронов в достатке.

– Как вы полагаете, сколько бошей оставалось в строю к утру?

– Не могу точно сказать, человек пятнадцать, может меньше.

– Успех еще одного штурма был возможен на ваш взгляд?

– А первого, господин коммандан? А каждого из восьми? Мы же не в окопе отсиживались – мы атаковали! Всю ночь атаковали! Ведь своими трупами дорожку к этой Богом забытой

траншее прокладывали. Мы же не виноваты, что боши не обделались от страха, лишь завидев нас и, что никак не хотели сдаться и отступить!..

Лануа хорошо понимал эмоции Мишо, но в данный конкретный момент они были непродуктивны, поэтому он прервал тираду капитана:

– Отвечайте на вопрос, Мишо: возможен ли был на ваш взгляд успех еще одного штурма?

Буря стихла так же внезапно, как и поднялась. Арестант снова откинулся и ушел в тень:

– Не могу знать, господин командан. Сержант Нойвиль сообщил мне после последней атаки, что видел, как капрал Бюкар прострелил водяной кожух немецкого MG – скорее всего, это был единственный пулемет бошей, но Нойвиль не был рядом с Бюкаром в этот момент и вполне мог ошибиться...

– А что сам капрал Бюкар?

– Погиб. Далее: я не знал точную численность бошей, не знал, сколько у них раненых, не знал, подходят ли к ним подкрепления, не знал, много ли у них осталось патронов, не знал, есть ли у них возможность починить пулемет, не знал будут ли они и дальше стоять насмерть... Я не знал, возможен ли успех еще одного штурма, господин командан.

Лануа почувствовал, что Мишо снова смотрит ему в глаза из своей тени, и снова не отвел взгляд.

– Что произошло, когда пришел курьер?

– Был жуткий туман и курьера мы увидели только когда он уже подходил к нашей траншее. Я окликнул его потому, что он, похоже, даже не видел нас и шел мимо. Он вообще выглядел каким-то рассеянным. Курьер спустился, подошел ко мне и сообщил, что Война закончена, и мы победили. Еще он сказал, что перемирие подписано уже несколько часов назад, еще ночью...

«...А это значит, что смерти твоих бойцов были бессмысленны» – Огюстен, как и Мишо не стал говорить этого вслух.

– Что было дальше?

– Я отошел на другой край траншеи, где никого не было, и попытался застрелиться.

Слова Мишо повисли в воздухе. Теперь уже Лануа вглядывался в тень, в которой скрывалось лицо капитана, в тщетном стремлении заглянуть в его глаза. Установившуюся тишину нарушил сам Мишо:

– В последней атаке я отстрелял весь барабан своего Сент-Этьена и забыл перезарядить. Перед тем, как идти в атаку я бы в любом случае проверил барабан, а со всеми этим новостями забыл...

Огюстену отчего-то показалось, что капитан улыбается:

– ... Я нажал на крючок раз десять, прежде чем понял, в чем проблема. Откинул барабан, чтобы перезарядиться, но в этот момент меня скрутил лейтенант Феро. Вроде, я что-то кричал, но точно сказать не могу. Феро встряхнул меня, как следует, кажется, даже ударил по лицу, чтобы я пришел в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.